

спичку. Запылавшую юбку удалось потушить, но нянька в тот же день попросила у нашей мамы расчёт.

Хулиганили мы, как я теперь понимаю, от безделья. И главным образом тогда, когда нашего папы не было дома, когда он уезжал куда-нибудь по своим лесоторговым делам. А бездельничали мы потому, что не знали, куда девать силы. Я ещё не научился как следует читать, кое-как читал только вывески над магазинами. А Васе – тому, вероятно, было всего два-три года.

Няньки у нас менялись, как полотенца на кухне. А может быть, и чаще.

И вдруг в один зимний, кажется, день у нас появилась очень умная, я бы даже сказал гениальная нянька, или бонна, как называли себя тогда для важности некоторые интеллигентные няни.

В первый же день, а может быть, в первый час пребывания в нашем доме этой особе удалось нас укротить. Что же она сделала? Она сказала:

– Известно ли вам, дети, что мальчику или девочке, которые соберут сто почтовых марок и пошлют их в Китай, оттуда вместо марок пришлют живого китайчонка или фарфоровый чайный сервиз?

Конечно, у нас глаза у обоих загорелись. Ещё бы! Живой китайчонок! Или фарфоровый сервиз!

– А где их столько взять, эти сто марок? – спросил я у бонны.

– Я думаю, в вашем доме, как и во всяком другом, имеются альбомы для почтовых карточек...

Да, такие альбомы у нас, конечно, имелись. Не один, не два, а несколько. Они лежали в так называемом

художественном беспорядке на круглом столике в гостиной. Были они большей частью плюшевые, с металлическими уголками и с металлическими застёжками.

И вот мы с головой погрузились в это выгодное и увлекательное занятие – стали собирать по сто марок.

Никто нами не руководил, никто не наблюдал за нами. Круглый столик покрыли старыми газетами, поставили на стол блюдечко с водой и сказали:

– Работайте.

И мы с утра до вечера, день за днём сидели и трудились.

Совсем не помню я эту мудрую бонну, даже имени её не запомнил, но круглый столик под бархатной

Но тут же начинает бранить, казнить себя. «Недотёпа! Торговать не умеешь. Всё утро ходишь и ни одного куска чесучи не продал! Сказали тебе “нет” – и сразу уходишь. Тебя же учили: надо уметь уговаривать покупателя...» И вот он заставляет себя вернуться, берётся за железную ручку, открывает калитку и спрашивает:

– Совсем не надо?

Приходилось мне видеть китайцев и на Покровском рынке. В рыночной бесцветной толпе они выделялись не только синими одеждами и смоляными косами, но и своим товаром: нежно-голубыми, нежно-розовыми и нежно-жёлтыми бумажными, чем-то похожими на старинные жабо складными веерами, такими же бумажными складными фонариками, птицами, рыбами, драконами...

Были в городе китайские прачечные. Считалось, что самые лучшие прачки на свете – китайцы.

Но, конечно, не этих китайцев, не прачек и не продавцов сарпинки и чесучи я вспоминал, когда, засыпая, предавался мечтам о своём живом китайчонке.

Мой китайчонок (как и мой сервиз) был откуда-то из сказки о соловье, которую мне рассказал однажды во время моей болезни приказчик Балдин, а может быть, – с огромных белых ваз, украшавших витрины чайного магазина на Невском. На этих фарфоровых вазах-исполинах маленькие чёрно-красные фигурки китайцев стояли под зонтиками, низко кланялись, сидели, сложив по-турецки ноги... А скорее всего, этот уютный, милый, забавный и уже нежно любимый мною китай-

чонок пришёл ниоткуда, родился в душе и в голове моей.

И вот опять ночь. Все в доме спят. Темно. Помигивает лампадка перед старинным чёрным киотом. По серому ночному потолку бегут белые бледные блики – то ли карета проехала на той стороне Фонтанки, то ли луна пробирается сквозь волнистые туманы, то ли ветер раскачивает где-то у Египетских бань газовый фонарь.

А ты свернулся калачиком и всё об одном: «Сервиз или китайчонок?» И так, пока сон не смежит очи.

А утром, наспех умывшись, помолившись Богу, проглотив положенную чашку ячменного кофе и тёплый

– Хорошо, – сказал я. – Пойдём – купишь мне лопатку.

Вася замигал реденькими рыжими ресницами.

– Куда пойдём?

Я стал лихорадочно вспоминать: где я видел лопатки? Ага – вспомнил!

– Идём на Покровский рынок.

– Одни?!

Надо сказать, что до этого мы никогда ещё не выходили одни, без взрослых, за пределы нашего двора. Однако думать об этом я сейчас не хотел. Не знаю, вспомнил ли я даже о том, что через десять минут во дворе должны были появиться родители.

– Идём, – сказал я Васе. – Только не отставай от меня. Не попади под извозчика. И под трамвай. Дай руку.

Я взял его за руку, и мы двинулись под арку ворот, в конце которой, за отворённой калиткой, виднелся тот огромный, светлый и широкий мир, который назывался «Фонтанка».

Оказавшись на набережной, я не растерялся, а сразу повернул налево. Дорогу я хорошо знал – на рынке у церкви Покрова мне случалось бывать с мамой не один раз.

Ворота лесного склада были открыты, но, к счастью (или, пожалуй, к несчастью?), у ворот и поблизости за воротами никого не было. Сразу же за лесным двором, отделённые от него высоким кирпичным брандмауэром*, начинались владения Экспедиции**. Почти вплотную к брандмауэру стояла выкрашенная, как и все постройки Экспедиции, в тусклый желтоватый цвет маленькая часовенка с серым каменным куполом в виде пасхи. В глубине часовни за распахнутой дверью мигали в темноте зелёная и малиновая лампы.

– Помолимся зайдём, – сказал я Васе.

– Почему? – удивился Вася.

– Почему? А потому, что всё-таки мы с тобой в путешествии отправляемся.

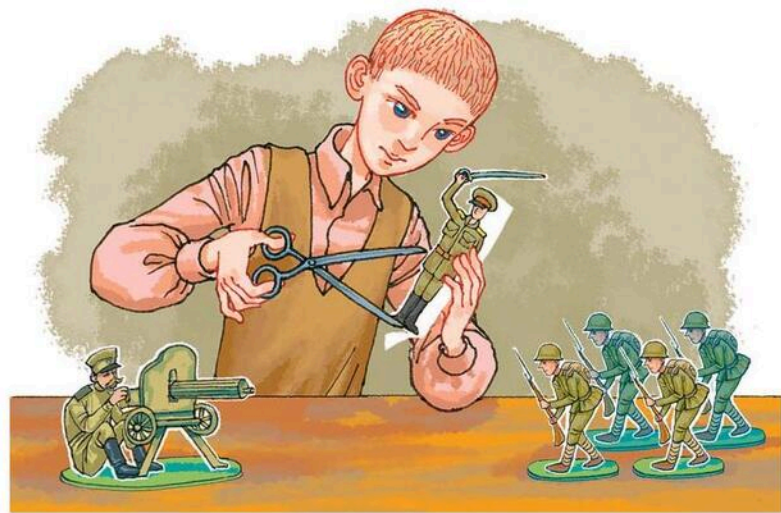
И только тут, сказав эти слова, я вдруг понял, на какое нештучное дело мы пустились.

* Брандмауэр – высокая глухая стена, предназначенная для предупреждения распространения пожара.

** Экспедиция заготовления государственных бумаг – ныне фабрика Гознак.

солдатики рисовать, особенно тем способом, каким это делал я: две палочки – ноги, палочка – туловище, ещё две палочки – руки, что-то вроде кочерги или цифры «4» – винтовка с примкнутым штыком, коротенькая горизонтальная палочка – голова вместе с фуражкой, и вот солдат уже готов, вооружён, обмундирован и может хоть сейчас идти в бой. Такие фигурки выходили из-под моего пера тысячами. Ими, как муравьями, были усеяны страницы всех моих учебников и тетрадей, поля газет и даже белая доска моей маленькой домашней парты.

Конечно, я не только играл. Я читал газеты, следил за ходом военных действий, крохотными бело-сине-красными бумажными флажками отмечал на карте продвижение наших войск и чёрно-красно-жёлтыми флажками –

передвижения неприятеля. В «Петроградской газете», а также в журналах «Нива», «Лукоморье», «Всемирная панорама» я читал о подвигах русских чудо-богатырей, среди которых на первом месте стояли, конечно, совершенно невероятные подвиги донского казака Кузьмы Крючкова – того самого, что в одиночку захватил в плен одиннадцать тевтонов.

Но самое сильное волнение вызывали в моей душе рассказы о героях малолетних, о юных разведчиках. В каком-то журнале я видел фотографию мальчика моего возраста. Этот «сирота Ваня» был снят в высоких солдатских сапогах, в барашковой шапке с кокардой и в гимнастёрке с погонами. На груди у него висела большая круглая медаль. Отличился этот сирота тем, что «подносил патроны». Правда, гораздо чаще в глаза мне попадали сообщения вроде следующего: «Линейные жандармы Н-ской железной дороги сняли с крыши товарного вагона ученика IV класса Пензенского реального училища А. Голубева, державшего направление в сторону фронта. Юный патриот водворён в родительский дом».

Или: «В городе Т., в прифронтовой полосе, задержаны два гимназиста – Суров и Лентовский. Мальчики, по их словам, пробирались на передовые позиции, чтобы стать юными разведчиками».

Но даже и эти незадачливые гимназисты и реалисты вызывали во мне жгучую зависть. Ещё бы – ведь их, этих снятых с вагонной крыши неудачников, в «Петроградской газете» именовали юными патриотами! Не один раз мелькали и в моей голове мысли о побеге на фронт. Но до поры до времени мне казалось, что

...Теперь я больше всего боялся, что найдут сухари и что папа узнает. Надо было куда-нибудь их девать, эти сухари. Выбросить в мусорное ведро, отнести на помойку? Нет, этого я не мог сделать. Я очень давно, едва ли не с пелёнок знал, что выбрасывать хлеб – самый страшный грех. С вечера я украдкой набил сухарями карманы штанов и матросской куртки, а утром, когда Елена Ивановна, наша бонна, одевала Васю, чтобы вести нас в училище, спустился во двор и незаметно прошёл в курятник. Куры сидели под потолком на своём сером, заляпанном белой извёсткой насесте, а большой рыжевато-чёрный петух с красной бородкой и с таким же сочным красным гребешком расхаживал взад и вперёд по курятнику и, поглядывая наверх, что-то сердито и оживлённо объяснял своим подругам.

Я высыпал сухари в угол, где в пыли и в паутине стояли какие-то битые тарелки с водой. Петух подошёл, клюнул сухарь и, метнув на меня не то гневный, не то презрительный взгляд, с новой энергией забегал по курятнику, выговаривая что-то своим дамам. Выйдя во двор, я подтянул ремешки ранца и поспешил к воротам – догонять Елену Ивановну и Васю.

Содержание

Сто почтовых марок	3
Лопатка	22
Маленький офицер	50

Пантелеев, Л.

П16 Маленькие мечтатели : рассказы / Л. Пантелеев; худож. В. Долгов. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2024. – 72 с. : ил. – (Друзья-товарищи).

ISBN 978-5-00198-404-7

Можно ли получить в подарок маленького китайчонка? Чем заканчиваются прогулки без взрослых по большому городу? Как потихоньку от родителей убежать на фронт?

Иронические и трогательные рассказы Л. Пантелеева из цикла «Египетские мосты» повествуют о жизни мальчиков начала прошлого века, их мечтах и увлечениях, проказах и приключениях.

Для младшего школьного возраста.

УДК 82-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)